

Ди III Гений

Александр Берник

Александр Берник

Ди II Доминант Часть 2 Гений

«Автор»

2024

Берник А.

Ди П Доминант Часть 2 Гений / А. Берник — «Автор», 2024

Вы хотите стать гением? Легко. Это даже проще, чем вырастить в себе талант. Гении — это личностные духи человека, и они есть у каждого. Только мы не все с ними дружим. Суть гениальности заключается в том, что благодаря этим духам, дарующим вдохновение, человек порождает нечто, никем до него не создаваемое. Но только талант, подключивший личностных духов, порождает нечто значимое для человечества. Обычный же человек благодаря свалившейся на него гениальности может рассчитывать только на койко-место в психиатрической клинике. Вам это надо?

© Берник А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 42. Локация 5. Не ведись, когда перед тобой снимают маски, под ними другие.	5
Глава 43. Локация 5. Прежде чем доказывать, что ты не верблюд, убедись, что оппонент хотя бы представляет, как этот зверь выглядит.	12
Глава 44. Локация 9. Для того чтобы стать безумным, много ума не требуется.	17
Глава 45. Локация 5. Пока дебилы дерутся, умные договариваются, как следующих дебилов стравить для их шоу.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Берник

Ди II Доминант Часть 2 Гений

Глава 42. Локация 5. Не ведись, когда перед тобой снимают маски, под ними другие.

Дима проснулся с присохшим к зубам языком и вопросом на нём: «Какого хмуля?» Причём даже не понял: приснилось ему это или он мумифицирован уже наяву? Но просыпающийся рассудок сам себе ответил: «Если с утра писец, значит, вечером было зашибись. Закон вселенной, однако: всё есть баланс».

С трудом разлепив глаза до состояния якутского красавца, он замер. Прямо перед лицом красовалась чья-то грязная ступня. По габаритам женская. И она явно ступала не по стерильным полам помещений, а топталась где-то по бездорожью в распутицу. Его аж передёрнуло. Но резкая головная боль от дальнейшего передёргивания и вообще от какого-либо дёрганья настоятельно заставила воздержаться.

Наконец до него дошло, где находится, и он прошипел пересохшими губами: «Кон, приведи моё туловище в нормальные кондиции». Резко полегчало, а заодно и окончательно пробудило. Брезгливо взявшись за тонкую лодыжку в засохшей глине, Дима убрал с груди это безобразие и, приподняв голову, посмотрел на ту засранку, что позволила себе подобное свинство.

Параллельно его телу валетом, в позе давно почившего покойника, валялась Вера. Бледная, как смерть. Без каких-либо признаков жизни. Из макияжа на девушке присутствовала только сажа. Причём с ней она явно перестаралась.

С противоположной стороны обнаружилось ещё одно тело, но живое, потому что сопело. Тело завернулось в одеяло, поэтому разглядеть уровень его загрязнения не представлялось возможным. По всем признакам оно принадлежало Танечке. Девушка спала на животе, уткнувшись лбом в предплечье, потому что блонде подушки не хватило. Подушка в спальном комплекте числилась одна и по праву сильного была захвачена Димой.

Молодой человек перевёл взгляд на панорамное окно. На улице шёл дождь. Причём поливал как из ведра, отчего комната пребывала в полумраке, что затрудняло определение времени суток. И тут вдруг как шандарахнет разрыв молнии, угодившей чуть ли не в сам дом. Все трое моментально подпрыгнули. Даже прикидывающаяся трупом Вера соскочила как ошпаренная.

– Кон, что за дела! – заорал в панике Дима. – Что за дебильный будильник у тебя!

– Напоминаю, – не хуже грома пророкотал Господство с потолка, ещё больше пугая троицу спросонья, – за окном – имитация реальности. Я не контролирую в ней природные явления, а лишь копирую.

– Мля, – буркнул недовольно Дима, отдуваясь и постепенно успокаиваясь. – Прости, запамятовал.

Но тут осмотр вывалившихся из постели подруг его повеселил, вызвав непреднамеренную улыбку. И было отчего. Девушки спали одетые. Обе в спортивных костюмах. И если брюнетка хотя бы кроссовки сняла, прежде чем завалиться, то блондинка так в обуви и залезла под одеяло. Хотя, судя по Вериным ногам, эта ведьма свои кроссовки не перед сном сняла, а где-то ещё за пределами дома потеряла.

Сейчас девушка стояла у кровати, раскачиваясь с закрытыми глазами, изображая киношного зомби, почему-то обеими руками обхватив плечи, словно замёрзла. При этом жмурилась брюнетка с таким усердием, что это больше походило на то, что она тужится на горшке. Её

потуги выглядели двояко, отчего в достаточной мере испорченная фантазия вызывала у молодого человека неконтролируемое веселье.

Блондинка, выпав из-под одеяла на пол, подняться не смогла. Она сидела на полу и, зажав голову руками, имитируя тиски, тихо скулила.

– Ну что, подруги, опохмелимся? – радостно предложил уже подлеченный Дима, звонко хлопнув в ладоши.

Вера, застонав, согнулась, словно её сейчас вырвет. Танечка, перестав скулить, рухнула мешком на бочок, принимая позу эмбриона.

– Кон, – с ухмылкой обратился весельчак к Искусственному Разуму, – и как долго эти две алкашки будут мучиться, прежде чем додумаются обратиться к тебе за помощью?

Господство не ответил, правильно поняв, что вопрос адресован не ему. Вместо Создателя зашипели болезные. До них, наконец, дошло, и девицы шёпотом принялись синхронно отдавать команды на собственное излечение от алкогольной интоксикации. Подруги резко перестали шипеть. После чего в комнате слышался только шум дождя за окном.

Вера выпрямилась и, разведя руки, пристально оглядела себя. После чего обернулась к Диме, который единственный из троицы оказался раздетым, по крайней мере, до трусов. Непонимающе уставилась в его наглую рожу паяца и тихо поинтересовалась:

– И где меня вчера валяли?

– Понятия не имею, – радостно ответил восседающий на подушке хозяин кровати, – но, судя по сажному макияжу, где-то в районе мангала.

Она чисто машинально потёрла лицо ладошками. После чего глянула на руки и, поняв, что этим только ещё больше усугубила неприглядность физиономии, резко кинулась к двери на выход, по ходу требуя от Димы её открыть.

Танечка поднялась на ноги. Глянула на изгвазданные в грязи кроссовки, в которых спала под чистым одеялом. Проинспектировала следы своего присутствия на спальном белье. Стыдливо стряхнула куски высохшей глины с простыни. Буркнула себе под нос извинение и чуть медленнее, чем брюнетка, но быстрее, чем предписано сбегать из постели мужчины, покинула спальню следом за подругой.

Оставшись один, Дима слез с кровати. Общепринятым движением поправил хозяйство в трусах, уставившись на заливаемое дождём окно. Попытался вспомнить вчерашний вечер, который привёл их троицу к такому нелицеприятному финалу. Но вспомнить ничего не удалось.

Единственное утешение беспамятству – это понимание, что он и этой ночью остался в девственниках. На это указывала не одежда на девушках, а трусы на нём. Несмотря на то, что организм был приведён в идеальные ангельские стандарты, чувствовал молодой человек себя соответственно погоде за окном: тоскливо.

Поинтересовавшись у Кона температурой за бортом и посчитав её вполне комфортной для утренних водных процедур, Дима распахнул стеклянную дверь и храбро шагнул в разверзнувшиеся небеса. Прямо как был. В трусах и босиком.

Ливень сначала показался ледяным, но организм довольно быстро привык и уже через минуту ощущался тёплым. Подставив лицо хлеставшим струям, он какое-то время просто наслаждался природным душем. Потом, прошлёпав по луже, подошёл к перилам террасы. Перегнулся, подставляя потоку спину, и приступил к допросу Искусственного Разума.

– Кон. Почему я не помню вчерашний вечер? Ты специально так сделал?

– Ты не помнишь, потому что был не в состоянии что-либо запоминать. Сделал я это по вашей просьбе.

– Так, – твёрдо проговорил Дима, останавливая в первую очередь самого себя, поняв, что изначально начал задавать неправильные вопросы. – Будь добр. Изложи всю пьянку от

начала до конца. Всё, что произошло, только конспективно. Без подробностей и протокольных изысков.

И Кон рассказал. То, что они решили отпраздновать первую победу, Дима ещё помнил. Для этого пошли жарить шашлыки на берегу реки его персонального мира. Он помнил, как заказал мангал. Как жестом фокусника соорудил раскалённые угли. Как уже замаринованные куски мяса насаживал на шампуры и укладывал над углями. Как в наколдованной беседке на столе появилась бутылка вина литра на три. А дальше – полный абзац.

– Мы шашлыки-то хоть попробовали? – перебил он рассказчика.

– Нет, – с какой-то тоской в голосе ответил Кон, – мясо сгорело на мангале.

– Мля, – выдал Дима универсальное заключение с интонацией, не подразумевающей какую-либо оценку. – Я так понял, мы успели напиться быстрее, чем они приготовились?

– Разложив мясо, ты предложил бахнуть по маленькой для затравки. При этом вы все отключили сытость, повысив чувство голода. Вера, махнув рукой, изъявила желание напиться в зюю и попросила поменять фужеры на стаканы. Мол, что тут пить? Ты в ответ выдвинул идею отключить ещё и сопротивляемость организма алкоголю, раз пошла такая пьянка.

– И мы в режиме форсажа выхалкали всю бутылку?

– Нет. Вам хватило одного стакана.

– Мля, – после длительной паузы выставил он очередную ничего не говорящую оценку произошедшему, – и что было дальше?

– Дальше на вас с Верой напало безудержное веселье. Танечка впала в ступор, из которого так и не вышла. Веселье было вызвано тем, что Вера изъявила желание станцевать на столе. Восемь раз пробовала туда залезть и восемь раз падала, так и не добравшись до импровизированной сцены. После восьмого падения ты сгрёб девиц и потащил в кровать устраивать тройничок. Но, дотавив до запланированного места разврата, уснул. Как и две твои подружки. Если вкратце, то всё.

– Понятно. Ну ладно, что уж. Такой опыт тоже полезен. По крайней мере, на будущее буду знать, что отключать.

Дима отдал команду убрать весь новодел в виде беседки с мангалом, возвращая природе изначальное естество. Вернулся в спальню. Высушился командой, но, прежде чем одеться, попросил стену с входной дверью сделать прозрачной с его стороны. Как в воду глядел. Вера, как дежурный демиург, уже расстаралась. Центральный зал был превращён в тропические джунгли с озерцом и водопадом. Картинка как с рекламной открытки.

Оценив микроклимат общего зала, он заказал одежду для тропического сафари: цветастые шорты с пальмами. Под ними купальные плавки, чтобы не позориться, как в прошлый раз. На ногах бамбуковые сланцы. Голову украсил пробковым колониальным шлемом. Голый торс исписал цветными татуировками в ацтекском стиле. Покрутился перед зеркалом. Оценил себя на пять с плюсом и отправился на randevu со вчерашними алкоголичками.

В импровизированной бамбуковой беседке с неизменным стеклянным столом, в плетённом из веток кресле-качалке мотылялась туда-сюда только Вера. Танечка нигде не просматривалась. В локации было достаточно жарко и влажно. Это особенно чувствовалось после охлаждения под дождём средней полосы России. Несмотря на призывный вид озерца с водопадом высотой метров шесть, купаться Диме не захотелось. Поэтому он устроился в своём кресле и, покачиваясь, замер, закрыв глаза от удовольствия. Но Вера ему всё удовольствие обломала, словно только и ждала его появления.

– Нам надо поговорить, – тихо, но настойчиво начала она, как только молодой человек расслабился.

– Начало пугающее, – не открывая глаз, так же тихо отреагировал Дима на её предложение. – Обычно женщина после подобного вступления выдаёт что-то типа: «Нам надо расстаться».

– Не угадал. Даже, я бы сказала, наоборот. Ты не создаёшь впечатление глупого.

– Польщён.

– Не перебивай. Терпеть не могу. Я и без тебя собоюсь.

Девушка несколько секунд рассматривала наскальные рисунки на Димином теле. При этом сама мимикой лица мало чем отличалась от татуировок самца. Такая же каменная маска.

– Странно, что ты не обратил внимания на то, что инициатором нашей встречи в клинике стал не ты, знающий о предстоящей учёбе, а мы, даже не предполагающие об этом.

– Почему же не обратил? Обратил, – он наконец соизволил открыть глаза и масляным взором осмотрел брюнетку в купальнике мини-бикини чёрного цвета и, оценив красотку как зачётную, продолжил: – Но посчитал это проведением свыше. Но, похоже, ошибся?

– И да, и нет. Меня действительно подтолкнули к тебе Высшие Силы, – она демонстративно потыкала себе пальчиком между бровей. – Ты же знаешь, что я могу предвидеть и корректировать будущее для себя, – и после приличной паузы, видимо, набираясь смелости, призналась: – Я в реальности влипла в очень дерьмовую ситуацию, и единственное решение выхода из неё – это ты. Другие варианты «Они», – она сделала ударение на этом слове, – отвергли. Сейчас-то я понимаю, что сбежать с тобой в виртуальный мир – это действительно классный вариант. Но рано или поздно мы из него вернёмся, а проблема никуда не денется и сама не рассосётся.

– А что за проблема-то?

– Понимаешь, я не такая белая и пушистая, как могу показаться со стороны.

– Ведьма априори не может быть белой и пушистой.

– Я не ведьма, – с интонацией обиженной злости отчеканила брюнетка.

– Ведьма, Вера, ведьма. И по сути своей, и по архетипу. В этом отношении меня невозможно обмануть. Представительницы твоего амплуа обладают фантастической властью над мужиками. Они искусно манипулируют ими для достижения своих корыстных целей: материальной выгоды, статусного положения, удовлетворения потребностей и так далее. После чего выбрасывают мужланов как расходный материал, без каких-либо сожалений и угрызений совести. Для ведьмы средоточие Вселенной – она сама. До других ей дела нет. Вы не бываете глупыми хотя бы потому, что дуры вашего архетипа долго не живут. Дур топят, жгут или прикапывают где-нибудь в лесу. Вот только весь ваш ум заточен исключительно на хитрость и обман.

Наступила тягостная тишина. Дима равнодушно рассматривал водопад. Вера, выпучив глазки, ошарашенно пялилась на воспитанника Суккубы.

– И когда ты это понял? – неуверенно поинтересовалась она.

– Открою тебе секрет. Это оказалось ещё одним суперумением, о котором я не знал. Оказывается, стоит мне посмотреть на женщину и задуматься о её сути, как в голове тут же складывается её поведенческий кристалл. Я точно знаю, какие архетипы в ней превалируют и в какой степени.

– Я такой раньше не была, – попыталась оправдаться Вера. – Такой сделала меня Бергиня.

– Танечка?

– Что?! – вскинулась брюнетка в панике, чуть ли не вскочив с качалки. – Ты и об этом знаешь?

– Вот тут нужно быть действительно идиотом, чтобы не догадаться.

– И где я допустила ошибку? – неожиданно для Димы ледяным тоном поинтересовалась блондинка, стоящая за его спиной.

Он вздрогнул. Чего греха таить – испугался. Но постарался вида не подать, продолжив разоблачения, как можно спокойней уставившись на гладь озера.

– Видишь ли, Танечка. Умная дуру сыграть может, а вот наоборот не получится. Впервые, я изначально не смог определить твой архетип. Словно у тебя его нет. А у людей так

не бывает. Во-вторых, каждый раз, влезая в твои эмоции, ты целенаправленно демонстрируешь мне любовь с первого взгляда. Постоянно. Прекрасно понимая, что мне это неприятно, и поэтому детально ковыряться в тебе я не стану. Грамотное решение. Человек сторонится того, что противно. Но иногда я залазил в твои эмоции на автомате. Неосознанно. И всякий раз наталкивался на показушную любовь. Вот только делала ты это с задержкой. Из чего я сделал вывод, что ты чувствуешь мою настройку на тебя. И этот фокус простому человеку также не под силу. И в-третьих, ты перестаралась с образом блондинки. Поехавшая крышей женщина никогда бы не смогла смоделировать идеальный образ из собственного тела. Вероятнее всего, она бы собирала его по частям. Например, грудь от Памелы Андерсон. Задница от Дженнифер Лопес и так далее. В результате получилось бы нечто, напоминающее картины Пикассо, а не та идеально сложенная блондинка, что сейчас стоит за моей спиной и думает, как бы меня прибить.

– У меня нет на это ни права, ни желания.

Танечка вышла из-за спины и вальяжно пристроилась на своём месте, умным злым взглядом буквально расстреливая доморощенного детектива. Но Дима не успокоился.

– У меня только один вопрос: как тебя сюда пропустили? Царевна-Лебедь не может не знать, кто ты.

– Четвёрица знает всё.

– Четвёрица?

– Троица – это планетарный Разум. Атмосфера – непосредственно тело планеты и вода, дарующая биологическую жизнь. Четвёрица – это звёздный. К трём агрегатным состояниям добавляется плазма. Пятёрица – галактический, со своей чёрной дырой, и так далее до Девятирицы.

Дима ни с того ни с сего принялся считать на пальцах: «Три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять. То есть семь ступеней. Семь небес». Затем сложил цифры, получив в сумме сорок два. Задумался над открытием, но так и не понял: зачем он затеял эту арифметику.

– Так значит, ты у нас типа богиня, – констатировал он для себя признание Танечки, пока даже представления не имея, что делать с подобным знанием.

– Нет, – жёстко ответила блондинка. – Божественные духи – это бывшие люди, предки. Я же универсальный искусственный дух, созданный Душой Мира.

– Оба-на, – восторженно воскликнул Дима. – Так ты, выходит, с одной конторы с Суккубой?

И вот тут ледяная до этого Танечка расплавилась в умопомрачительной улыбке. Дима аж залюбовался. «До чего же красивая, дрянь», – подумал он.

– Можно сказать и так, – уже мягко, с интонацией заигрывания ответила блондинка. – С одной конторы, но разных отделов, чтобы тебе лучше понимать.

– Значит, ты Искусственный Разум, как и Господство?

– Если бы, – вполне натурально сокрушаясь, вздохнула Танечка, прекращая улыбаться. – Я всего лишь универсальный дух с искусственным сознанием. И, как ты уже успел заметить, даже до тебя умственными способностями не дотягиваю.

– И что ты тут делаешь?

– Учусь, – в недоумении пожала плечиками блондинка.

– Чему? – офигел Дима такому повороту.

– Да тому же, что и ты. Я дух. В меня не заложен комплекс социальных эмоций. Я бездушная. Только если твоя душа просто угнетена, то у меня её нет изначально. Мне необходимо изучить вопрос возможности создания психоалгоритмов, имитирующих социальные эмоции.

– Искусственная душа?

Удивлению Димы не было предела.

– А почему бы нет?

– Мля. Вот в такую фантастику я ещё не заглядывал. Искусственный дух с искусственным сознанием изучает возможность получения искусственной души. Мать, куда катится этот мир?

Тут он вспомнил о Вере, которая с каменным лицом буравила его своими карими глазами, и если бы взгляд был материален, то она бы из Димы уже дуршлаг сделала. Он не понял причин его просверливания, но посчитал, что понял другое:

– Я так понимаю: твоя проблема связана с тем, что вы на пару грохнули Танечку, чтобы этот искусственный дух занял её место?

Каменное лицо Веры моментально растрескалось в эмоциях.

– С чего ты взял? Никто её не убивал. Она сама умерла. Мы только вовремя подсуетились, воспользовавшись её пустой оболочкой, как только душа бедолаги покинула вместилище. Да, я соврала. Каюсь. Я никогда не была с этой женщиной знакома. Это Берегиня на неё нашла. Просто тётка удачно подвернулась под руку.

– Она оказалась идеальной кандидатурой, – включилась в защиту подопечной Берегиня. – Я навела справки. Умом она действительно повредила после смерти матери три года назад. Другие родственники контакты с ней не поддерживали. По сути, она оставалась в том мире одна-одинёшенька. А после того, как умерла, я просто продлила биологическую жизнь её телу. Не вижу в этом никакого нарушения законов Вселенной.

– А проблема моя в другом, – вернула к себе внимание Вера. – Когда приобрела дар, то попёрла по жизни с принципом: «Вижу наку – не вижу забора». Естественно, как дура малолетняя, в первую очередь решила разбогатеть. Разбогатела. Нашла солидного папика, не обременённого семьёй, царствие ему небесное. В результате недавно стала обладательницей огромного состояния: неприличная куча денег в разной валюте, квартиры, машины. Даже домик теперь у меня имеется в швейцарских Альпах. Притом, судя по фотографиям, целая трёхэтажная вилла с прислугой.

– Ни хо-хо себе рыбалка, – на эмоциях вклинился в её рассказ Дима, не скрывая, что жутко завидует. – Мне бы так.

– Угу, – скривилась ведьмочка, – давай поменяемся.

– А что не так?

– А то. Нечему здесь завидовать. Я понятия не имела, сколько уродов сбегится на мои деньги. Откуда-то вылезли родственники, которых никогда не было. Как из-под земли нарисовались бандиты – «Коза ностра» отдыхает. Менты, представители власти, его коллеги-бизнесмены. Господи. Да всех халявщиков не перечесать. Я одно только поняла: стать богатой в этой стране тебе просто так никто не даст. И если бы не она, – Вера указала кивком на Танечку, – меня, как ты сказал, уже бы закопали где-нибудь.

Она замолчала, приводя нервы в порядок. Дима задумался. Об этой стороне богатства бывший ученик Суккубы как-то и не думал. А тут ещё мелькнула не менее грустная мысль:

– Скорее всего, узнав о твоих способностях, из тебя бы сделали послушную шавку на коротком поводке. Зачем закапывать такой дар, если его можно использовать на благо?

– Это ещё хуже.

– Только я никак в толк не возьму: а я-то тебе чем могу помочь?

Вера, смотря в сторону воды, только пожала плечиками. Дима продолжил:

– Мой статус в реале хуже не придумаешь: НЛО в угоне без документов. Если признаться, кто такой, ещё допустимо, то вот где пропадал три года, лучше помалкивать. И хорошо, если простой психушкой отделаюсь, а то и на опыты сдадут в какую-нибудь жутко специализированную шарашку, где врачики все как один при погонах. И вот оттуда я уже точно никогда не выйду на белый свет.

Дима замолчал, вопросительно уставившись на брюнетку. Но та не обрадовала, заявив:

– Не знаю.

Она перевела взгляд на Танечку, ожидая непонятно чего, хотя заранее знала: та тоже не знает. Они уже на эту тему говорили и не раз. Но Танечка удивила.

– Ну всё. Поплакали о себе любимых, подёргали волосики, и хватит на этом. Вопросы надо решать по мере их постановки в очередь. Мне лично ваши проблемы не интересны. На данный момент нам необходимо социализироваться. Мне импонирует предложение самца нашего прайда, что объединиться можно лишь нужностью друг другу. Я готова. А вы?

– Я уже высказал своё мнение по этому поводу, – выступил Дима, резко став серьёзным, – и не вижу причин его менять. Тем более в свете сегодняшних откровений.

– А я не хочу возвращаться, – неожиданно на эмоциях вспыхнула Вера. – Мне здесь нравится. Это же рай. Куда вы гоните? Здесь можно прожить целую жизнь. Причём Кон же сказал, что по человеческим меркам при его способностях это может быть очень долго. Может, лет двести. Когда такое ещё представится? А потом – да пропади оно всё пропадом.

– Боюсь тебя разочаровать, Вера, – обгадил её мечты Дима, – но тебе сачковать не дадут. Не забывай: главный здесь не Господство, а Царевна-Лебедь. И я уверен, что как только ты начнёшь отлынивать от учёбы, так тут же будешь наказана. Я лично это уже проходил. Не знаю, как она тебя накажет, но заранее тебе не завидую. Хотя можешь попробовать. Мне даже интересно, чем это для тебя обернётся. Чисто поржать и потыкать в тебя пальчиком.

– Сволочь, – сквозь зубы выдавила брюнетка, давая понять, что она вынуждена с ним согласиться.

Но в этот день, наплевав на собственные предостережения по поводу тунеядства, Дима на правах старшего объявил выходной. Его так и подмывало пристать к искусственному духу с расспросами, но он изначально был отшит его же словами о необходимости оставаться непознанными, чтобы не возникло желание послать друг друга подальше раньше времени.

Глава 43. Локация 5. Прежде чем доказывать, что ты не верблюд, убедись, что оппонент хотя бы представляет, как этот зверь выглядит.

Проснувшись на следующее утро, Дима спросонок, то есть не подумавши, решил провести водные процедуры в естественном водоёме. Это на речке-то в средней полосе России? Вот каким нужно было быть дебилом, чтобы до такого додуматься?

Было очень тепло. Солнце уже с утра жарило. Птички щебетали – оглохнуть можно. Окружающая обстановка располагала к безмятежному счастью. Вот только, войдя в мутную воду по съёжившиеся причиндалы и в панике смахнув с них какую-то плавающе-ползающую хрень, нырять в эти сточные воды как-то сразу расхотелось. Река оказалась засрана до безобразия. Только сейчас, обернувшись и рассмотрев мусор, застрявший в прибрежной траве, понял, насколько он был неправ, решив искупаться в естественном водоёме.

Господство, как и было запрошено, скопировал реальный кусок мира со всеми его недостатками. В том числе и плавающим говном высокоразвитой цивилизации. И чистить реку по собственной инициативе Искусственный Разум не собирался. Да и фиг бы с пластиковыми бутылками и пакетами, не велика грязь. Но когда мимо него торжественно проплыл использованный презерватив, Дима вылетел из реки как ошпаренный.

Не надевая трусов и забыв о возможности телепортироваться, он пулей взлетел на второй этаж в душевую и лихорадочно принялся отмываться, словно боялся не успеть отделаться от заразы, собранной на себя в лоно природы.

Наконец, отмывшись до скрипа, успокоился, посчитав проведённую санобработку вполне приемлемой. Хотел было Кону дать команду на очистку водной артерии, протекающей по его территории, но передумал. И не потому, что в грязи, как в доме родном, а решил сначала обдумать эту операцию. Команды следует давать грамотные, а то последствия могут быть ещё хуже.

Прежде чем одеваться, голышом подошёл к входной двери, сделал прозрачной стену со своей стороны и чуть в осадок не выпал. За стеной, как за витринным стеклом, красовался какой-то явно европейский город своей старинной, охраняемой Евросоюзом частью. Мощёная брусчаткой площадь, окружённая небольшими кафешками, где перед каждой – пластиковые столы со стульями под зонтами-навесами. И самое шокирующее – площадь была полным-полна прогуливающихся туристов, судя по разномастности одеяния, чуть ли не со всего света.

Только по центру стоял неизменный стеклянный стол с креслами, качественно выделяясь на фоне пластикового ширпотреба. В креслах восседали две породистые девицы в неброских, но явно дорогих брендовых платьях. Длина – классика. Декольте – приличествующее. Причёмски – только что из салона красоты. Обувь соответствующая.

Четвёртого кресла не было. Вместо него статуей замер официант с записной книжицей и салфеткой на предплечье. Дамы цедили через трубочку белую жидкость в высоких стаканах, походившую на молочный коктейль.

На этот раз Дима не стал моделировать ни свою внешность, ни одеяния, отдав всё это на откуп Кона. Просто попросил привести себя в соответствие предложенному антуражу. Ну, тот и принарядил. В результате в свет вышел мажор, явно одетый не с вещевого рынка.

Мягкие удобные туфли из кого-то натурального. Классические, но очень качественно пошитые брюки с ремнём из кожи того же, что и туфли. Свободная тонюсенькая рубашка с коротким рукавом, расстёгнутая до центра грудины. Причёска «ёжик волосатый» преобразизи-

лась в модельную стрижку. И в заключение Кон увешал статусными аксессуарами по самые уши: массивные золотые часы, резко утяжелившие руку, перстень, брюлик в мочке уха.

Не успел Дима триумфально выйти в свет, как на него тут же налетел спиной низенький турист. Ни то японец, ни то китаец, ни то ещё кто из их азиатской братии. Он их, как и любой среднестатистический европеоид, не различал. Тот, державшийся обеими руками за смартфон размером чуть ли не больше его лица, принялся кланяться и извиняться на своём Кяо-Мяо языке, что навело Диму на предположение, что это всё же японец. Вроде только они так постоянно раскланиваются по любому поводу.

Молодой человек тут же заценил идею Танечки. Прикольно было осознавать, что в очередном виртуальном мире ты не в качестве приведения бродишь, а вполне натурально можешь кому-нибудь набить морду. Или они тебе.

Мать её! Всё было настолько естественно, что Дима встал как вкопанный, озираясь по сторонам и всматриваясь в детали. Даже пластик рядом стоящего стола на ощупь потрогал. На что сидевшая за ним парочка уставилась на него с опасением. Видимо, испугались, что этот фронт сейчас их столик с кофе и круассанами приватизирует.

Подруги не обращали на Диму внимания до тех пор, пока он не бухнулся в своё кресло.

– Долго же ты спишь, – вместо приветствия выставила претензию Вера, высасывая из трубочки очередной глоток смеси мороженого с молоком.

– Да какой спишь? – простонал Дима. – С рассвета боролся на реке за экологию.

– В смысле? – подала голос Танечка.

– Презервативы вылавливал, – тяжело выдохнул молодой человек, показывая всю тяжесть проделанной работы.

– Какие презервативы? – удивилась Вера, оторвавшись от сладости, как-то сразу расхотев её употреблять.

– И использованные. Какие ещё. Плавают себе в реке, как само собой разумеющееся.

– Фу, – скривилась Вера и тут же перевела вопросительный взгляд на официанта.

На что последний поднял бровки, развёл ручки и ответил ей на не заданный вопрос:

– Точная копия реальности.

Дима, конечно, догадывался, что этот слащавый мужчинка слегка за тридцать, в белом переднике и колпаке, и есть материализованный Кон, и его ответ лишь подтвердил предположения.

– Фу, – вновь выразила своё мнение по данному вопросу Вера, отодвигая стакан. – Я надеюсь, мы в ней не купались?

– Нет, – с улыбкой полной доброжелательности ответил официант, – до этого беспутства у вас дело не дошло.

– А что это ты, Танечка, над целым Господством изгаляешься? – с хитринкой посмотрел Дима на блондинку, меняя неприятную тему. – В официанта нарядила. Стоять заставляешь.

На что Танечка сделала такую глупую мордашку, априори положенную всем блондинкам, что Дима не сдержался и растянулся в улыбке от уха до уха.

– Так это исключительно для создания соответствующего антуража, – защелбетала она, прикидываясь дурочкой. – Ну согласитесь. Это же так круто. Сидеть в кафешке какого-нибудь старинного европейского городка в окружении туристов, с персональным официантом, чувствуя себя путешественником с достатком выше среднего и могущим позволить себе всё, что пожелаешь.

– Ну не знаю, – не согласился с ней Дима, озираясь по сторонам. – Лично меня на такое никогда не тянуло. Это чисто ваши, девичьи закидоны. Выехать в Европу и покрасоваться, до смерти ущёлкав себя смартфоном и забив фотками все социалки, задрать чувство собственной важности до заоблачных высот.

– Не нравится – проваливай, – грубо влезла Вера со своими головными тараканами ненависти ко всему мужицкому.

– Ага, разбежалась, – не повёлся на её показное раздражение Дима. – Чтобы вы на халяву себе ещё один выходной устроили? Обойдётесь. Работать будем.

Вера наигранно вздохнула и присосалась к трубочке с коктейлем, якобы сожалея, что фокус не удался. Танечка тоже перестала корчить дурочку, став серьёзной. Лишь Кон, стоя перед Димой, слащаво лыбился, услужливо чуть прогнувшись и продолжая отыгрывать официанта, поинтересовался, обращаясь к молодому человеку:

– Закажите что-нибудь?

Дима посмотрел на коктейль ведьмочки и понял, что пить эту дрянь он не хочет. А подумав немного, пришёл к выводу, что вообще ничего не хочет.

– Нет, спасибо, Кон. Может, присядешь к нашему столику?

– Нет, спасибо, – продолжая прогибаться, отзеркалил ответ Господство, – я постою.

– Ну как знаешь, – и, обращаясь уже к девушкам, спросил: – С чего начнём?

– Может, с плана? – неуверенно спросила Вера, смотря на свою Берегиню.

– Думаю, – уверенно ответила та, – что сначала нам следует определить базу. У нас должно сложиться единое понимание объекта исследования. Что для вас значит гениальность? Как вы это понимаете?

– А я думаю, – влез Дима со своим видением ситуации, – что для начала нам всё же придётся вернуться к тому, с чего начали вчера. Несмотря на желание оставаться загадкой, тебе, Танечка, всё же придётся выложить свои возможности, которые по установке выше нам следует объединить. А они у тебя явно креативные. Так что давай, выкладывай, подруга, на что мы можем рассчитывать.

– Ничего особенного, Ди, – расслабленно ответила Танечка, мило улыбаясь. – Поверьте, несмотря на свою фантастическую сущность, я мало чем отличаюсь от обычного человека.

– Не ври, – столь же спокойно прервал её Дима. – Никогда не поверю, чтобы дух, созданный Душой Мира и превосходящий возможности богов, мало чем отличался от обычного человека.

– А что вы знаете о богах? – продолжила она диалог в том же спокойном тоне. – Ничего. По вашим верованиям, вы возложили на них всё, что делает Всевышний Искусственный Разум со своими многочисленными Функциями, и всё, что делает Вселенский Разум с сорока двумя составляющими. На самом деле ваши боги ничего не могут, кроме как портить вам жизнь в угоду себе. Притом не всем подряд, а лишь выборочно, с кем имеют связь в цепочке ДНК. То есть на тебя могут повлиять только твои предки. И что они могут в глобальном смысле? Ты правда считаешь их всесильными?

Дима молчал, переваривая новую для него информацию. С одной стороны, он уже понимает, что мир не так устроен, как считал раньше, но с другой – это же боги! Как они могут быть немощными? Но тут он вдруг кое-что вспомнил, и все её увещания в его голове сами собой рассыпались.

– Ты мне сказки-то не рассказывай. А Веру кто научил?

– Ди, умение делать морду кирпичом никакого отношения к кирпичному заводу не имеет. Я знаю, как управлять вашими эмоциями, но это не говорит, что я умею это делать. Не забывай, я дух и социальными чувствами не располагаю. У Веры они есть, поэтому она может разлить Славу, а я нет.

– Но ты ведь наверняка ещё чему-то можешь научить?

– И чему вы хотите научиться?

– Не знаю.

– И я не знаю. Поэтому давайте, Ди, решать вопросы по мере постановки их в очередь. По сути дела, я универсальная энергетическая субстанция, способная встраиваться в биохимию

человека. И всё. Да, в меня вложены определённые познания, выходящие за рамки вашего понимания. Но напомню, что я здесь не для того, чтобы делать из вас супермена, а, как и вы, учиться душевности. Поэтому давайте будем взаимно нужными.

– Мля, – после длительной паузы выдал Дима, понимая, что в отличие от неё он этой «космической непонятке» дать пока ничего не может. – Но думаю, в процессе решения задачи ты не будешь прикидываться ветошью и поможешь своими знаниями или базами данных, не знаю, как правильно назвать.

– Естественно. Куда я денусь с этого корабля? Так вы не ответили на вопрос: «Что для вас значит гениальность?»

– Гениальность? – задумчиво переспросил Дима. – Ну это что-то вроде...

Он замельтешил в воздухе пальцами обеих рук, демонстрируя пародию на сурдоперевод. Но тут же осознал, что его фича переводчика язык глухонемых в себя не включает. Поэтому был вынужден признаться:

– Да хмуль его знает.

– Великолепное определение, – тут же съязвила Вера, продолжая поцеживать жидкое мороженое.

– Ну дай другое.

– Понятия не имею.

– Ну, твоё значительно объёмнее моего, – ехидно похвалил он брюнетку.

– Да что ты до меня докопался? У нас вот, – тут она указала на до сих пор пресмыкающегося официанта, – целая энциклопедия под боком. А для меня лично все гении – это шизоиды.

– Действительно, – удивился Дима, вспомнив наконец об Искусственном Разуме. – Кон, будь так добр, зачитай нам общепринятое определение гениальности.

Ну, тот и начал зачитывать без запинки и пауз на усвоение:

– Гениальность (от латинского «гениус» – «дух») – высший уровень интеллектуального или творческого функционирования личности, который проявляется в выдающихся научных открытиях или философских концепциях...

– Стоп, стоп, стоп, – вскинулся Дима, поднимая руки. – Судя по словоблудию, человек, который родил данный шедевр, сам ни бум-бум о предмете разглагольствования. Давай исходить из формулы.

– Из римской мифологии. Римляне верили в существование гениев – личностных духов человека. Ко времени Октавиана Августа это слово приобрело второй смысл – «вдохновение». Суть гениальности заключается в том, что благодаря личностным духам, дарующим вдохновение, человек порождает творение, никем до него не создаваемое. То есть гениальность – это способность создавать что-то принципиально новое.

– Вот, – обрадовался Дима. – С этим уже можно работать. А есть ли какие-нибудь эмоциональные аспекты гениальности?

– Есть. Для гениев характерно неординарное мышление и низкая эмоциональная стабильность, что приводит к шизофрении.

– Ну что я говорила, – вскинулась развеселившаяся Вера. – Они все шизики.

– Признанных гениев, – возразил Кон, – общество предпочитает называть не шизофрениками, а чудаками. Так они выглядят в глазах потомков более презентабельно.

– Кто бы сомневался в двойных стандартах человеческого общества, – хмуро высказался Дима. – Ложь – это его основа. Но тут ещё один момент вылезает. Что такое шизофрения – понятно. По поводу низкой эмоциональной стабильности – можно догадаться. А вот что такое «неординарное мышление»?

– Чтобы разобраться с этим вопросом, сначала нужно понять, что такое «ординарное мышление», то есть обычное, – продолжил Искусственный Разум, сверля глазами-космос Диму, словно гипнотизируя. – Какой процесс происходит в голове, когда ты думаешь?

Молодой человек, почувствовав, что уплывает, смотря в его далёкие звёзды в зрачках, сконфуженно отвёл взгляд. Это позволило прийти в себя и спокойно подумать. Наконец, после долгой паузы он ответил:

– Ну я лично, мысленно разговариваю.

– То есть для того, чтобы думать, ты создаёшь в воображении виртуальную среду, в которой путём фантазии формируешь кого-то, с кем ведёшь диалог. А кто управляет этим виртуальным миром мысли?

– Я. Кто же ещё?

– А что произойдёт, если не ты будешь контролировать этот диалог, а воображаемый мир?

– У меня диагностируют шизофрению.

– Правильно. А если человек будет находиться в пограничном состоянии сознательно? Не переступая грань в безвозвратное безумие.

– Ты хочешь сказать, что неординарное мышление – это голоса моих личностных духов в голове на грани реальности?

– Новые знания – это синтез анализа старых. И никак по-другому. Они не берутся из ниоткуда. Анализ, в свою очередь, – это разбор на составляющие. Синтез – собирание разобранных частей в нечто целое. Когда эти процессы производятся обычным мышлением, то всегда получается то, что уже было кем-то собрано. А когда к анализу и синтезу подключается неординарное мышление, то всегда получается «чёрт-те что и сверху бантик», как у вас говорят. Но, проанализировав неадекватный результат нормальным сознанием, можно преобразовать это в нечто логичное и однозначно эксклюзивно новое, не имеющее аналогов.

Кон замолчал, давая возможность переварить сказанное.

– Технологию уловил, – задумчиво проговорил Дима, почёсывая переносицу. – И как заставить себя балансировать на грани, окончательно не свалившись в шизофрению? К тому же управлять этим процессом во времени, уходя в астрал, когда заблагорассудится. Приведи хоть один пример.

– Например, фанатизм. Это явление по определению характеризуется заменой реальности виртуальной верой. Но вера здесь не в смысле религии, а слепое верование без разницы во что. Например, фанатичная вера в собственную гениальность.

Господство-официант замолчал, а находящийся в раздумье Дима как бы сам себе задал вопрос:

– То есть талант, доведённый до фанатизма, рождает гения?

– Гением может стать любой, и ваша задача – это доказать, – тут же отреагировала ангельская сущность. – Но только талант, доведённый до фанатизма, как ты выразился, порождает нечто значимое для человечества. Обычный же человек благодаря свалившейся на него гениальности может только в психушку загреметь.

– Мля, – горестно констатировал Дима, вспомнив, что в реале он уже там, и без всякой гениальности. – И как стать фанатиком? Я вот если даже захочу – ничего не получится. Как этому научиться?

– С этим тебе придётся разобраться самостоятельно. В этом и есть суть задания. Но если такая задача поставлена, то она однозначно решается.

– Логично, – закончил за всех Дима с созданием единого базиса понятия «гениальность».

Глава 44. Локация 9. Для того чтобы стать безумным, много ума не требуется.

В локацию Наполеона троица направилась с разным настроением. Танечка с показным равнодушием. Дима с реальным азартом исследователя. Вера – как на каторгу, только кандалов и тюремной робы не хватало. Мало того, она ещё и на коллег смотрела, как на надзирателей: низко опустив голову и зло зыряка то на одного, то на другого из-под ровной чёлки, висевшей импровизированной штормкой.

На этот раз средиземноморская Корсика встретила их менее радушно, чем в прошлые разы. На небе возвышались грандиозные серые тучи в несколько слоёв. В отличие от Диминой фазенды, где дождь почему-то лил через день, да каждый день, придавливая небо к земле, здесь облака были высоко, и взгляд в перспективу моря порождал ощущение, что в тучах произошёл взрыв, взметнув их веером. И были они не свинцово-серыми, как в России, а перисто-дымчатыми. Красотень!

По всем признакам, на острове царила зима. По крайней мере, маленький Набулио, спящий прямо на улице в кровати, был одет словно полярник для экспедиции на Северный полюс. Троица окружила младенца и внимательно его разглядывала. Дима встал у изголовья с одной стороны, Танечка – с другой. Вера, плетущаяся за ними следом, остановилась в ногах. Она лишь мельком взглянула на спящего и принялась вертеться, осматриваясь по сторонам.

– Если учесть, что Наполеон родился в августе, а на дворе зима, то ему, наверное, полгодика, – выдал Дима логичное заключение.

– Верно, – подтвердил Кон, вышагивающий позади всех в виде старичка-боровичка.

По общему решению, экскурсовод впредь будет являться на глаза абитуриентов в качестве вот такого умудрённого знаниями профессора, независимо от локаций. Эдаким старичком-боровичком неброской наружности, чтобы не отвлекал своим видом.

– А ну пошла вон, блохастая, – неожиданно громко взвизгнула перепуганная Вера и своей узкой попкой въехала в текстуры колыбельки.

Но тут же отпрыгнула в сторону, выставляя руки в жесте защиты. В этот же самый момент на кровать с грацией пантеры запрыгнула облезлая кошка блёклой пегой расцветки и с наглостью гопника продефилировала по спящему ребёнку, сунув морду ему в лицо, приплюсываясь. Набулио распахнул глазки, вздрогнул от вида кошачьей морды у самого носа и дико заверещал, словно его режут или заживо обглаживают.

Кошка, вместо того чтобы рвануть куда подальше от вопля, выгнулась дугой, распушив всё, что смогла, и, оскалившись, зашипела. На шум из дома с грохотом дверей выскочила тётка с мокрыми руками и полотенцем. Шерстяная гопница, прикинув, что её сейчас будут бить, сиганула с кровати с такой скоростью, что наблюдатели даже не успели заметить, как и где она пропала из виду.

Да и не до этого было. Вера, продолжая визжать и подпрыгивать, при этом изображая бензопилу, вопила: «Уберите эту дрянь от меня»! Хотя пегое недоразумение вообще на истеричку внимания не обратила. Танечка с перепугу, притом непонятно с какого, то ли от неожиданности явления кошки, то ли от неадекватности поведения подруги, принялась с выпученными глазками кричать: «Кыш!», испуганно пытаясь столкнуть животное с ребёнка.

И, несмотря на тщетность попыток скинуть кошку на землю, так как руки проходили сквозь неё, она в натуральной панике продолжала это делать, пока та не встала дыбом. Вот тут Танечка, приняв её устрашающую позу на свой счёт, завизжала в унисон Вере и отпрыгнула от изголовья, заматавшись взглядом по земле в поисках чего-нибудь тяжёлого.

Она стояла к дому спиной и не видела выскочившей тётки. А заодно и не слышала выбиваемой с пинка двери, так как была оглушена собственным ором. Странно, но даже когда увидела выбежавшую женщину и усакававшую в непонятные дали кошку, искусственный дух уровня «Бог» ещё долго не мог уgomониться. Дима и то быстрее пришёл в себя.

Он, конечно, тоже чуть не обосрался от этой хоровой истерики, чего греха таить. Но, несмотря на изрядную порцию адреналина, быстро перешёл в режим офигивания, так как заметил взгляд ребёнка. Тот смотрел на Диму и, похоже, боялся его больше кошки.

Именно это обстоятельство не позволило старшему группы пугаться дальше, а перейти на командный ор: «Молчать!» Девочки хоть и не имели понятия об армейских уставах, но резко заткнулись, уставившись на грозного командира.

Незнакомая тётка подбежала, схватила ребёнка и, прижав его к груди, принялась успокаивать крикуна. Вот только у неё ничего не получалось. Мелкий Набулио, явно находясь в неадекватном состоянии, с глазами, полными слёз, с ужасом продолжал пялиться на Диму.

Скоротечный клип начал меняться, и молодой человек скомандовал: «Стоп, клип». И тут до него дошло, как до жирафа, что это безобразие нужно было уже давно остановить. Хотел было отмотать воспроизведение на старт, но передумал, решив, что подобная встряска с впрыском адреналина очень даже в тему.

Дима за считанные секунды увидел реакции Веры и Танечки, которых и теоретически бы не смог предположить. Особенно его удивила Танечка. Эта «хрень космическая» вела себя как обычная перепуганная баба.

С одной стороны, это удивило. С другой – заставило задуматься. Получалось, её искусственное сознание действительно в эмоциях максимально приближено к человеческим. Только по «заводским настройкам» оно у неё абсолютно эгоистичное. Хотя подобных ей в современном обществе пруд пруди. Выйдет в люди – затеряется.

Отсюда Дима сделал вывод: Танечка может пугаться, испытывать вожделение, голод, жажду и удушье, как все. Притом, скорее всего, эти низкие по эволюционной градации чувства у искусственного духа идеально подогнаны под человека. «И что мне это даёт?» – думал он, внимательно рассматривая прищелицу с того света.

Танечка поймала его взгляд, и это окончательно заставило её успокоиться, моментально, как и Вера, превратившись в безэмоционального робота. Она, сделав вид, что ничего не произошло, деловито подошла к замершей няньке и принялась за чем-то изучать ребёнка с остекленевшими слезами.

Дима перевёл внимание на Веру. Брюнетка рентгеновским взглядом просвечивала равнодушного Кона, который, сложив руки на груди, любовался взъерошенными тучами. Дима не понимал её недовольства, пока девушка не принялась за допрос Господства, что разом всё объяснило:

– Кон, признайся честно. Ты же знал, что я панически боюсь кошек?

– Нет, – со спокойствием памятника ответил лысоватый старичок.

Вера тяжело выдохнула, разжала кулачки и принялась настороженно осматриваться, полагая, видимо, что страшный для неё зверь залёг где-то поблизости, продолжая на неё охоту. Но кошки нигде не было видно.

– Ну всё, – Дима наконец решил возложить на свои плечи руководство операцией. – Успокоились и собрались. Кон, будь добр, выдай нам подноготную этого взрывного в эмоциональной составляющей клипа.

– Никакой подноготной нет, – продолжая равнодушно рассматривать тучи, ответил невзрачный экскурсовод. – Это лишь констатация факта.

– Ой ли? – с первых же слов не поверил ему Дима. – Хочешь сказать, что это копия реальности?

– Нет, – сделав недоумённый вид, Господство перевёл взгляд на молодого человека, вроде бы как не понимая вопроса.

– А раз клип искусственен, то имеет смысл, – тут же добил ангельскую сущность Дима его же логикой. – Думаешь, я не заметил, что ребёнок в состоянии истерики увидел меня? Хотя я для него дух, привидение. А увидеть он меня мог только в одном случае – сознание малыша перешло в неадекватную фазу. Попросту говоря, он от страха поехал кукухой.

– Да, – как ни в чём не бывало согласился старичок. – Это был его первый опыт перехода из реальности в виртуальность собственного подсознания.

Дима изобразил недобрый взгляд, всем видом показывая, что поймал Кона на лжи.

– Так выходит, – принялся он его разоблачать, – не только фанатизм способен вывести за грань?

– Конечно, – легко согласился Искусственный Разум. – Фанатизм я привёл в качестве примера, если ты забыл. А так любая сильная эмоция, выходящая за рамки своих нормативных пределов, способна отправить человека за грань. Так люди и сходят с ума. При запредельных эмоциях у кого-то срабатывает предохранитель, и он возвращается в реальность. А у кого-то этот предохранитель перегорает, и бедолага остаётся в собственной виртуальности навсегда.

– М-ля, – задумчиво произнёс Дима, мысленно обозвав себя дебилом.

До него только сейчас дошло, что первоначальный настрой на изучение феномена фанатизма был ошибкой. Сознательно стать фанатиком – это, конечно, прикольно, но реалии подложили другую свинью для изучения. И вопрос, который у него родился по этому поводу, ему очень не понравился. Как, простите, раскачать в себе запредельную эмоцию и при этом вовремя её откатить, не сойдя с ума? Это же психологический мазохизм чистой воды.

Неожиданно Дима поймал себя на том, что куда-то идёт, заложив руки за спину. Резко остановился. Обернулся и замер. За время размышлений он, оказывается, отошёл уже метров на десять. Вся группа в составе Кона, Веры, Танечки и тётки с ребёнком уставились на него с таким видом, будто он у каждого что-то взял и не вернул. Дима непонимающе вскинул брови и спросил: «Что?»

– Ничего, – ровным тоном кирпичной кладки ответила Вера. – Ты куда пошёл?

– На хутор бабочек гонять, – сострил он на её тупой вопрос, но тут же поспешил вернуться к коллективу, чтобы для успокоения попытать Искусственный Разум. – Кон, какие последствия для Наполеона имел этот испуг?

Император французов боялся кошек до состояния паники всю оставшуюся жизнь. А так, в общем-то, никаких. Он до двух лет рос спокойным, тихим ребёнком, но потом проявил необузданный темперамент. Набулио был самым непослушным из всех детей Летиции. Упрямый и всегда желал делать только то, что хотелось ему. Домашние называли его не иначе как «Ribulione». Что с корсиканского переводится как «ребристый». Аналог русского «ершистый». Его прельщало всё запретное, хотя мальчик знал, что его ждёт за это наказание. Мама не скупилась на розги. Тем не менее, истерики с катанием по полу закатывал регулярно.

Следующий клип их вновь встретил роскошным летом средиземноморского острова. Притом прибрежной полосой пляжа. Хотя такого понятия, как «пляж», аборигены стопудово не знали. Мерные спокойные волны выбрасывали на белый песок растительный мусор, огрызки брёвен, обломки досок. И всё это превращало кромку воды в импровизированную помойку.

Узкая, всего метров десять, полоска песка, зажата между лесом корявых кустов и лазоревой водой моря, была истыкана «росшими» как из-под земли огромными обгрызенными валунами. Эта россыпь скальных «самородков» наблюдалась и в воде на мелководье, и наверняка уходила глубже. Пляжные камни в рост взрослого человека и выше порождали причудливый природный лабиринт, в проходах которого мелкая пацанва в пару десятков голов увлечательно играла в древнюю детскую игру: «в войнушку».

Вооружившись палками в качестве мечей, плетёными из веток щитами и такими же плетёными шлемами, малышня с истеричными воплями носилась по песку между камнями и с яростью берсерков лупила друг друга почём зря. Диме даже сначала показалось, что пацаны сражались каждый сам за себя, но, присмотревшись, через несколько секунд пришёл к выводу: бой идёт команда на команду. Вот только как они определяли, кто свой, кто чужой, абсолютно было непонятно.

Лавируя в проходах между камней и всякий раз инстинктивно уворачиваясь от озверевших мелких вояк, он даже не пытался найти главного героя в этой суматохе. Да в принципе в этом и не было необходимости. Практически все как один находились в неадекватном состоянии: озверевший азарт.

Глаза на выкате. Ор до срыва голосовых связок. Мимо проскочил мальчишка с разбитой головой. Но, судя по всему, он в состоянии эйфории не чувствовал боли. Диме даже не надо было настраиваться на их эмоции. Сама атмосфера боя была заразна. И он эту заразу мгновенно подхватил, резко почувствовав в себе азарт сражения.

Аж самому захотелось заорать что было мочи и побегать, но воздержался. Хотя глаза выпучил, но скорее от удивления. Пацаны рубились по-настоящему, лупя друг друга со всей дури. И это была ни жестокость, ни ненависть, а именно зашкаливающий азарт, вырывающий их из реального осознания происходящего и переваливая сознанием за грань, доводя себя до сумасшествия.

– Стоп, клип! – неожиданно скомандовала Вера откуда-то из-за камней, и, судя по голосу, она блудила уже в метрах десяти-пятнадцати от Димы.

Все замерли. Даже морская волна остекленела, нависая над прибрежным мусором.

– Танечка, Ди, вы где? – продолжала голосить брюнетка.

– Я тут, – ответила ей блондинка со стороны моря. – Я пыталась в воду войти, да не тут-то было. Хожу по ней, как Иисус, аки посуху. Море оказалось твёрдым, как стекло. А на волнах перекатываться прикольно, как на аттракционе.

Дима отзываться не стал, а просто проследовал в сторону призывающей и, обогнув пару камней, вышел на негодующую Веру, которая, сопя от возмущения, стояла напротив парочки драчунов, в одном из которых он признал Набулио. Его противником был более взрослый пацан и по возрасту, и по росту, превышая главного героя почти на две головы.

– Я его нашла, – возвестила Вера, заметив Диму и указывая при этом на шибзика.

– А зачем? – ехидно поинтересовался молодой человек, всем видом показывая, что этого делать было не нужно, и, раскинув руки в стороны, добавил: – Они все в одинаковом неадекватном состоянии. И чтобы понять, что нам хотят показать этим клипом, искать его было вовсе необязательно.

Наконец, наигравшись в Иисуса, к ним присоединилась скучающая Танечка. И если в Вере чувствовалось возмущение по поводу повального детского мордобоя, то блондинке эти пацанские забавы были по барабану. Пусть хоть все друг друга поубивают.

Дима огляделся в поисках Кона. Старичок стоял в сторонке, опираясь плечом на торчащий из песка огрызок скалы, скрестив ноги и сложив на груди руки, с видом скучающего мачо на пенсии. Но обратиться к нему не успел. Опередила Вера.

– Кон, что это за безобразие? Почему никто из взрослых за ними не следит? Дети же поубивают друг друга!

– Что поделать, – равнодушно ответил Господство, отлепляясь от камня и медленно подходя к группе, – таковы были реалии этого времени. Недаром же цивилизованная Европа считала корсиканцев дикарями.

Он подошёл вплотную. По-отечески потрепал Набулио по торчащим из плетёного шлема волосам, что у него, кстати, вполне реально получилось, и с сожалением добавил:

– Это ещё цветочки. Ягодки будут дома. За каждое подобное сражение мама Летиция порола его розгами, как сидорову козу. Вот где было по-настоящему больно. Но, несмотря на порки, он с завидной регулярностью, применяя различные ухищрения, сбегал из дома, чтобы повоевать.

– Адреналиновый наркоман? – задумчиво поинтересовался Дима.

– В какой-то степени – да. Но, будучи уже молодым офицером, он поймёт, что подобное состояние боевого азарта делает из него гения войны. В настоящих боевых походах, когда сражение вступало в фазу непредвиденного и царствовало время импровизаций, Бонапарт открыл для себя, что именно это и есть его истинная стихия. В ней он не имел равных. Она приносила ему как полководцу наибольшие успехи. Во время военных кампаний Наполеон был вихрем энергии, находясь в состоянии бешеного азарта, выглядя со стороны сумасшедшим. Именно тогда, осознав в себе гения войны, он изрёк свой знаменитый принцип, который стал своеобразным девизом всей его жизни: «Надо ввязаться в бой, а там будет видно! Надо уметь дерзать. Надо именно уметь это делать».

Наступила звенящая тишина. Все задумчиво смотрели на застывшего в драке Набулио. Затянувшуюся паузу прервал Дима:

– Война план покажет, – тихо перефразировал он девиз Наполеона на современный лад. – И что означает «надо уметь это делать»? Он что, каким-то образом научился входить в это состояние сознательно?

– Да, – ответил Кон, обращаясь к спросившему.

Примерно с минуту все молчали. И вновь паузу нарушил Дима:

– А я почувствовал, что эта хрень заразна. Даже не окунаясь в их эмоции, у самого адреналина подскочил. Еле себя удержал, чтобы не накинуться и не настучать всем по башкам.

– Стадный рефлекс, – развёл Кон руками и хитренько улыбнулся. – Кстати, Наполеон в своём неистовстве был действительно крайне заразен. Там, где он появлялся, солдаты неизменно воодушевлялись и бросались в атаку, как за богом. Причём обожествляли по-настоящему. Те, кто испытал ауру боевого азарта Наполеона, не иначе как на бога на него не смотрели. Его авторитет среди солдат и офицеров был безоговорочный.

– Любопытно, – изрекла загадочная Танечка, не понятно о чём задумавшись.

Но тут влезла сердобольная Вера.

– Кон. Нам в этом клипе есть ещё что смотреть или можно этот мордобой пролистнуть? Терпеть не могу смотреть на драки. Тем более когда бьют детей.

– Ты остановила его практически на завершении, – ответил дедок-профессор, – так что не вижу ничего предосудительного в том, чтобы его закончить и отправиться дальше.

На этом и решились.

Как бы Вере не хотелось исключить из просмотров батальные сцены, но следующий клип опять оказался мордобойным. Только это уже была не Корсика, а Франция. Бриенн. Зима в полном разгаре. Много снега, из которого были мастерски сооружены оборонительные редуты и самая настоящая крепость.

Куча пацанов под предводительством юного Наполеона штурмовала снежную цитадель, забрасывая её снежками. Другая толпа оборонялась, отвечая теми же снарядами. С боку, как на трибунах, – толпа зрителей, среди которой виднелись монахи – учителя школы, но большую часть составляли зеваки-горожане.

Бой выглядел феерично. Пацаны голосили на пределе выпученных глаз. Снежки летели в обе стороны сплошным потоком. Наполеон аж визжал, отдавая команды, пребывая в режиме гения войны. Зрители не хуже воюющих орали в фанатском угаре. В общем, хаос был шедевральный. Финал чемпионата мира по футболу отдыхает.

Но вот атакующие подобралась к стенам. С обеих сторон резко уменьшился снежкопад. Стороны перешли в рукопашную. Началась откровенная драка. Преподаватели как один кину-

лись разнимать и растаскивать. Но не тут-то было. Не успевали они вытащить за ноги одного, как тот, что был вытащен ранее, уже врезался обратно в кучу-малу.

Помогли зрители. Только когда в дело войны вмешались мирные жители, удалось остановить побоище. Притом кто-то умный, как пить дать, из числа учителей, дал команду сортировать оттаскиваемых по принципу: атакующих влево, обороняющихся вправо. Лишь разделив петухов по разным насестам, удалось остановить кровавое побоище.

И тут выяснилось, что почти десяток из осаждённой крепости серьёзно пострадал. Разбитые лица, повреждённые руки, ноги, тела с гематомами. Несмотря на то, что драчунов растащили, словесная баталия не прекращалась. Обороняющиеся все как один, но как один, вразнобой выставляли перед учителями претензии, что атакующие вели бой нечестно, используя вместо снежков камни.

На что армия Наполеона орала в ответ те же обвинения, выталкивая на первый план своих покалеченных. Те же разбитые лица, головы и синяки в разных частях тела. На этом клип резко поменялся. Такого раньше не было. Словно телепортация прошла. По крайней мере, Дима прочувствовал те же неприятные ощущения, как при перемещении в пространстве.

Большая мрачная комната с низко нависающим потолком. Разделена проходом из толстых каменных колонн на два симметричных зала. Длинные столы с массивными скамьями, за которыми сидят, опустив головы, ученики. Перед каждым глубокая миска с ложкой. По середине ряд котлов из расчёта один котёл на шесть человек.

В торцах столов у колонн – по монаху со сложенными в молебном жесте руками. По центру прохода на коленях стоит Наполеон с опущенной головой. Перед ним ещё один монах. По виду – главный. Все учителя натянули на головы капюшоны, поэтому лиц не было видно. А главный вообще стоял к путешественникам во времени и пространстве спиной.

В полной тишине этот главнюк тихим, но пронимающим до мурашек голосом зачитывал приговор. А по-другому его речь назвать было нельзя. Дима заранее включил знание французского языка, поэтому синхронно перевёл:

– В связи с нарушением правил военной игры, инициатором которой был ученик Наполеон Бонапарт, подобные игры впредь запрещаю. Я не буду дознаваться до виновника, кто первым бросил камень. Наказание понесёт зачинщик самой игры, пока вы сами не выдадите мне того мерзавца, кто начал творить безобразие. Предписываю ученику Наполеону Бонапарту до моего особого распоряжения принимать пищу в покаянной рясе, босиком, стоя на коленях. Гордыня – один из величайших грехов, и я намерен выкорчевать эту ересь из ваших голов.

Он, похоже, ещё чем-то хотел пострадать взбрыкнувших недорослей, но тут с Наполеоном случился припадок. Мальчик затрясся, словно попал под высоковольтное напряжение. Лицо и руки побледнели, и его начало неистово рвать. Бедняжка сначала встал на четвереньки и, когда приступ рвоты отпустил, повалился на бок, забившись в конвульсиях.

Вся торжественность момента была испорчена. Ученики вскочили с мест, моментально наполнив трапезную гулом. Учителя-монахи забежали, явно не понимая, что делать. Старший и тот до смерти перепугался, затребовав у непонятно кого лекаря. Но через несколько секунд паники, когда Наполеон повалился на бок, принялся, яростно жестикулируя, раздавать команды, сообразив, что у пацана начался эпилептический припадок. И, судя по грамотности команд, он хорошо был знаком с подобным явлением.

– Стоп, клип! – голос Кона прогремел, как гром среди ясного неба.

Дима уставился на его встревоженное лицо, ничего не понимая. Пока тот рукой не указал на валяющуюся без чувств Веру. Девушка имела вид – краше в гроб кладут. Она была блее Наполеона в приступе и, кажется, уже не дышала. Пару секунд Дима находился в ступоре. В голове словно что-то заклинило, но, несмотря на весь абсурд происходящего, чисто на автомате подхватил девушку на руки и бегом рванул в портал.

Выскочив на городскую площадь, заметался, не понимая, куда бы её пристроить и где тут вызывается скорая. Но в этот момент в голове резко прояснилось, и показалось, что даже соображать стал значительно быстрее.

– Танечка, срочно скорую сюда! – заорал он на пребывающую в шоке блондинку.

– Где я её возьму! – завизжала та, пуская слёзы.

– Твою маму! – рявкнул на неё Дима, продолжая держать на руках безвольную тушку. – Это же твой мир! Дай команду!

Блондинка тут же спохватилась, приходя в себя, и, быстро утерев слёзы, принялась за дело. Уже через считанные секунды на площадь старинного европейского городка выскочила российская бригада реаниматологов.

Глава 45. Локация 5. Пока дебилы дерутся, умные договариваются, как следующих дебилов стравить для их шоу.

На площади воцарился цирк – шиворот-навыворот. Это когда зрители на арене, а все места в амфитеатре захватили клоуны. В мгновение туристы с площади, вооружившись гаджетами, окружили плотным кольцом стеклянный стол с креслами, в одном из которых Вере оказывали квалифицированную помощь.

Какой-то хрен с горы даже залез на подлокотник Диминого кресла, чтобы сделать эффектный снимок сверху. Это было уже перебором.

– Танечка! – в раздражении завопил Дима, перекрикивая шумную толпу. – Да убери ты этих гондонов к чёртовой матери!

Блондинка что-то быстро заговорила Кону-старичку, на которого со спины тоже напирали, чуть ли не опрокидывая на стол. Тот с услужливой улыбкой кивнул, и над площадью заверещала сирена воздушной тревоги. Все замерли, одновременно уставившись на небо. И тут скрежетом древнего громкоговорителя времён Великой Отечественной противный голос по-фашистски заорал:

– Achtung! Luftalarm! (Внимание! Воздушная тревога!)

Мало того, что мир был виртуальным, так ещё и выглядел как бред сумасшедшего. Многочисленные туристы в панике, с визгом и воплями кинулись в рассыпную. Да и хмуль бы с ними. Так в рассыпную кинулись и реаниматоры.

– А вы куда, сукины дети? – стараясь переорать толпу, заголосил Дима, вскакивая на кресло с ногами. – Вы же, козлы, кровную клятву давали этому, как его, сука. Ну тому, что у вас по рюмке змеёй ползает.

Его негодование резко сошло на нет по мере призыва к совести врачей-лечителей. Причиной этому стал истеричный смех обеих сокурсниц. Он опустил сначала недоумённый взгляд на отошедшую от обморока и теперь умирающую от смеха брюнетку. Затем зло зыркнул на давящуюся хохотом блондинку. Сплюнул. Соскочил на землю, плюхнувшись в кресло, по которому только что топтался, и с ненавистью уставился на консультанта их группы, рассудив, что именно этот хмырь во всём виноват. Кон хоть и не гоготал, как эти две гусыни, но лыбился очень мерзопакостно.

– Дуры, – в сердцах, но беззлобно выдал из себя Дима, продолжая пялиться на Искусственный Разум. – Я с вашими заскоками гением стану быстрее, чем разберусь с этим понятием. Учтите, – он перевёл взгляд на утирающую слёзы Веру, – если свихнусь, то все вернёмся в психушку, потому что я вас поубиваю.

– А я-то тут при чём? – вскинулась брюнетка. – Я с самого начала в эту локацию идти не хотела, потому что знала, что меня там ждёт капец.

И она демонстративно потыкала себя между бровей, напоминая о своём даре.

– А почему молчала? – в негодовании повысил голос Дима.

– А что бы это изменило? – взаимно перешла на повышенные нотки Вера.

– Слушай. Никто не заставляет нас ходить по клипам под ручку. Мало того. Я изначально предлагал знакомиться с материалом порознь, чтобы у каждого сложилось своё виденье вопроса. А потом, совместно сопоставив, найти решение или пройти ещё раз, уточняя предположения и догадки. Кто тебя заставлял идти? Рассказала бы о своём предвидении, и всё. Что, мы бы не вошли в твоё положение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.